

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«Д.С.ЛИХАЧЕВ – Л.Н.ГУМИЛЕВ»
МУЗЕЙ АННЫ АХМАТОВОЙ В ФОНТАННОМ ДОМЕ
30 января 2007 года

ЗОБНИН Ю.В. – Дорогие друзья, у нас сегодня вечер, я считаю, необычный и даже в какой-то мере уникальный в том культурном контексте, в котором мы сейчас находимся. Потому что, ну, я не знаю, присутствуя вот здесь, я сам вспоминаю те времена, когда говорить о людях, в том числе и тех, кто является главными героями нашего нынешнего вечера, о людях культуры, связанных и с серебряным веком культуры, связанных и с русской наукой нонконформистской, можно было только в достаточно тесной компании, ну, так что какой-то информацией торжественного, но не обязывающего ни к чему толка просто-напросто не было. Времена изменились, и вот как раз мы перед началом этого вечера говорили с Ниной Ивановной, мы дожили до того, что на государственном уровне отмечался юбилей Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это ново, это надо, вероятнее всего, еще осмыслить, но все-таки бы хотелось, чтобы все мероприятия, связанные с юбилеем Лихачева, в том числе получили бы еще и вот такое вот интеллектуальное дружеское незаформализованное освещение. Поэтому идея этого вечера пришла тогда, когда ваш покорный слуга пришел в музей Льва Николаевича Гумилева и увидел там совершенно необыкновенную выставку «Дмитрий Сергеевич Лихачев и Лев Николаевич Гумилев», необыкновенную во всех отношениях. Она и стилистически

оформлена нетрадиционно, это сундук памяти, из которого как бы выходят уровнями фотографии. Она маленькая, она камерная выставка, но очень-очень емкая. И вот тогда-то мы и решили, что за всеми этими литаврами, во многом оправданными, во многом, конечно, уже гротескными и в адрес Дмитрия Сергеевича, и в адрес вообще всей русской науки, которую как только не называют в эти дни – и светочем мысли, и последней надеждой национального сознания, но все это пустые слова. Так вот, чтобы все-таки кончилось это действительно разговором тех людей, которые знают, о чем они говорят, которые знали тех людей, о которых они говорят, которые читали тексты этих людей, то есть чем-то похожим вот на наш нынешний вечер. У нас много выступающих, некоторые, вероятно, просто опоздают, они предупреждали. Я сейчас с удовольствием сначала передаю слово Марине Георгиевне Козыревой, которая в какой-то мере начала тот процесс, который привел к нашему сегодняшнему вечеру. Пожалуйста.

КОЗЫРЕВА М.Г. – Надо сказать, что выставка действительно очень необычная получилась в нашем музее. Дело все в том, что она называется так «Свидетели века. Дмитрий Сергеевич Лихачев и Лев Николаевич Гумилев». Они были знакомы, они были связаны, их жизни и пересекались, и в чем-то были похожи, где-то они сходились, где-то они расходились, но, тем не менее, достаточно долгое время они были достаточно хорошо знакомы и общались друг с другом, дарили друг другу свои работы. И у нас на выставке представлены, в частности, работы, подаренные Дмитрием Сергеевичем Лихачевым Льву Николаевичу Гумилеву, и работы, самая первая статья Льва Николаевича Гумилева, подаренная Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, и

одна из последних и самых знаменитых его книг «Этногенез и биосфера Земли». Кроме всего прочего, жизнь их действительно, вот разница у них была 6 лет, Дмитрий Сергеевич Лихачев родился в 6-ом году, а Лев Николаевич – в 12-ом. И Лев Николаевич, естественно, относился к Дмитрию Сергеевичу как, ну, скажем, к старшему товарищу, все-таки старшему. И, тем не менее, у них было очень много похожего, начиная с детства. Знаете, вот как смотришь фотографии, которые там у нас на выставке есть, счастливое детство, только у Дмитрия Сергеевича оно было с родителями, а у Льва Николаевича оно было с бабушкой. Родители приезжали, навещали, но это было нечасто, и была бабушка в Бежецке, были похожие очень качественные гимназии, то есть детская школа, детское обучение было похоже. Дмитрий Сергеевич Лихачев учился в гимназии Мая, а Лев Николаевич учился в Бежецке в бывшей женской гимназии, потом единая советская трудовая школа. Но поскольку революция выгнала с насиженных мест представителей замечательных дворянских семей, людей образованных и все прочее, то в Бежецке, в частности, оказалось очень много людей из Петербурга и из Москвы очень образованных. И в школе, в которой учился Лев Николаевич, учителями были люди с университетским образованием или с неоконченным университетским образованием. И так же, как Дмитрий Сергеевич Лихачев писал о своих учителях очень теплые и хорошие слова, точно так же и Лев Николаевич вспоминал по крайней мере двух своих учителей очень теплыми словами, с одним из них – Александром Михайловичем Переслегиным – он переписывался до своей смерти, до есть до смерти своего учителя. И слова были действительно очень теплые, и ответные письма были очень

замечательные. Например, Переслегин писал уже после того, как Лев Николаевич вышел после всех отсидок из лагеря, он ему писал, что: «Лева, как приятно, что Вы мне написали письмо и что я часто встречался со своими учениками, которые достигли высот, стали замечательными учеными, деятелями политическими или военными, но они не отвечали и смотрели на меня, как, я чувствовал себя как зауряд, сержант от педагогики. А вот в Вас я почувствовал замечательного того мальчика Левушку, Леву, который слушал меня с большим удовольствием. И мы ходили, бродили с Вами по аллеям», в общем, он вспоминал его удивительно тепло и хорошо, и ответные письма были такие же. Потом у них, у Дмитрия Сергеевича, конечно, жизнь сложилась, если можно так выразиться, немного более благополучно, он отсидел свои чуть меньше 5 лет, он был арестован в 28 году, еще не успев закончить университет, и сидел на Соловках. Но даже, а Лев Николаевич отсидел 13 лет, и его арестовывали 4 раза, и он был в трех лагерях. Но, тем не менее, понимаете, вот даже их поведение в лагерях, тем не менее, даже их поведение в лагерях тем не менее как-то перекликалось. Потому что Дмитрий Сергеевич, сидя на Соловках и занимаясь там лесоповалом, работами такими тяжелыми, тем не менее он все-таки стремился заниматься наукой, и он еще в лагере опубликовал научную работу «Картежные игры у уголовников». А позднее он написал работу о примитивизме, чертах примитивизма в блатном языке, понимаете. А Лев Николаевич, сидя в Норильске, где, к сожалению, не было возможности заниматься наукой серьезно просто потому, что, ну, и работа тяжелая, и книг нету, и писать нельзя, тем не менее, он написал там такую шуточную работу, ну, как все историки. говорят, абсолютно правильную по

смыслу, «Отпадения Нидерландов от Испании», написана на эзковском языке, понимаете. Я не буду ее зачитывать, чтобы не занимать ваше время, при желании придете к нам на выставку и прочтете, я могу дать, у меня с собой она есть, я вам могу дать посмотреть. Затем, когда Дмитрий Сергеевич вышел, его судьба складывалась тоже не очень легко и просто, потому что ему пришлось работать наборщиком в типографии, пока он добрался до своей профессии, и, тем не менее, дальше его жизнь пошла более-менее относительно благополучно. У Льва Николаевича, конечно, это все было не так просто, потому что он возвращался, его снова арестовывали, потом снова сажали, потом снова выпускали, через какое-то время опять арестовывали. И, вы знаете, в Норильске Лев Николаевич вот кроме того, что он написал научную работу «Об отпадении Нидерландов от Испании», он занимался там поэзией, потому что голова свободна, писать нельзя, а память у Льва Николаевича была фантастическая. Причем надо сказать, что это, по-видимому, наследственное, потому что у Анны Андреевны тоже была память замечательная. И вот он писал, надо сказать, что к норильскому периоду, дико звучит, но, тем не менее, это самый плодотворный период его литературной деятельности, то есть все стихи, все поэмы, все сказки, какие-то вот рассказы – все написано в Норильске, понимаете. Потом в следующем лагере, будучи арестован уже в 49 году, как повторник отправлен на 10 лет в лагерь в Казахстан, под Междуреченск, потом под Омск, он уже не занимался поэзией, хотя там вечера поэзии устраивались, и многие те, кто там сидел, писали, что он познакомил нас с такими поэтами, с которыми мы, учась в советской школе, просто никогда не слышали, а

занимался он исключительно наукой. После смерти Сталина, когда уже можно было присылать из дома книги, какие-то работы, в общем, можно было что-то присылать из дома, Лев Николаевич пишет постоянно маме: «Мамочка, пришли мне, пожалуйста, у меня на второй полке сзади стоит такая-то, такая-то книга, она мне очень нужна для работы». Или: «Мамочка, узнай, пожалуйста, в каком году китайский полководец, - извините, может быть, неточно помню, - Ань-Рушань вышел в поход: в 97 или в 99 году новой эры». И вот мама, значит, идет в Музей этнографии, там достает ему эту дату, ему эта дата очень нужна для работы. Потом он просит: «Мамочка, пришли мне, пожалуйста, книгу Грум-Гжимайло «Приморье и Урянхайский край»». Мама все не присылает, не присылает, он пишет: «Ну, мамочка, если нельзя найти в магазинах, пожалуйста, спроси на складе Географического общества, там наверняка есть. Можешь обменять любую из моих книг на эту книгу. Понимаете, вот у человека все время голова занята работой, так же, как у Дмитрия Сергеевича. И вот когда Лев Николаевич выходит, я не могу вам точно сказать, когда они познакомились, увы, я этого не знаю, и сейчас уже, пожалуй, что, может быть, некого и спросить. И, тем не менее, сохранились, во-первых, Лев Николаевич дарит Дмитрию Сергеевичу свою первую статью с дарственной надписью, у нас есть на выставке листовичная система, то есть это статья, по-моему. 60 какого-то начала года, 61-62 года. Затем, надо сказать, что у Льва Николаевича в отличие от Дмитрия Сергеевича жизнь научная после возвращения складывалась далеко непросто. Дело все в том, что Лев Николаевич – человек нетрадиционного направления в истории, он не было чистым историком, как он сам говорил: «Я не историк, я

историко-географ». И это действительно так. И Дмитрий Сергеевич в своих отзывах, которых он много написал на работы Льва Николаевича, и надо сказать, что он этим его спасал, потому что мало того, что Лев Николаевич отсидел 13 лет, знаете, так привыкли все говорить: «14 лет», это если считать, отнимать год от года, то да, а если считать по местам, получается 13 лет, все равно много, независимо от того, там, все равно много. Надо сказать, что вот он вышел в мае 56 года, вроде бы началась более-менее спокойная жизнь. Худо-бедно на работу устроился, получил малехонькую комнату в конце Московского проспекта, то есть все более-менее пошло. И, тем не менее, каждая статья Льва Николаевича вызывала бурю эмоций у традиционных историков, это неудивительно, потому что, понимаете, он действительно привлекал для подтверждения своих исторических концепций географию в большой степени, он действительно был географ потрясающий, его студенты просто боялись к нему ходить на сдачу зачета, потому что он карту знал так, а на зачете выдавали «слепую» карту, и надо было по очертанию озера, берега, рек или чего-то определить, что это за страна, какое это место на глобусе и так далее. Вот Лев Николаевич это все знал фантастически. Причем тоже надо сказать, что в какой-то степени мама сыграла свою роль в этом, потому что она ему прислала в Бежецк в 6 классе атлас на немецком языке, а Лев Николаевич, естественно, в 6 классе немецкого языка не знал, с помощью бабушки и словаря он как-то определял названия, где что происходило, вот это свою роль сыграло. Ну, и в дальнейшем Дмитрий Сергеевич писал ему, вот когда его перестали печатать, а это очередной период в его жизни, вот я сказала, что более-менее благополучно, а потом

наступил момент после 74 года, когда Лев Николаевич написал с моей точки зрения самую лучшую из своих книг, - «Поиски вымышленного царства». Причем это не только мое мнение, а, судя по тому, что переводили на иностранные языки, это действительно пользовалось большой популярностью. И вот, когда Лев Николаевич написал эту книгу, вот тут началось на него такое, можно сказать, гонение, так же точно, как на маму в центральной газете «Правда» был написан разгромный доклад Жданова, напечатан, точно так же на Льва Николаевича в центральном партийном журнале «Вопросы истории» была напечатана разгромная статья, где его обвиняли в том, что он антимарксист, это главное, такое политическое обвинение, антимарксист, приверженец биологизма, географический детерминист, - это все считалось ужасным обвинением. И Льва Николаевича постепенно перестали печатать, вот, значит, он 13 лет отсидел, потом 14 лет более-менее спокойной жизни, а потом практически 15 лет его не печатали. Иногда люди, приходя в музей, спрашивают: «А почему у Льва Николаевича статьи в каких-то таких несерьезных журналах: «Декоративное искусство» или что-то?», а его, он давал статьи туда, где печатали, потому что в остальных журналах его печатать просто отказывались, понимаете, ему возвращали статьи, заранее заказанные, так что это тоже своя статья. И вот надо сказать, что Дмитрий Сергеевич сыграл свою необычайно положительную роль, потому что он написал отзывы на несколько его работ и на венитичные, вот то, что Лев Николаевич свою работу главную, вторая диссертация его по географии «Этногенез и биосфера Земли», самая знаменитая его книга, вот эту книгу, на эту книгу Дмитрий Сергеевич писал отзыв на те выпуски, которые

отправлялись в НИТИ. Он писал отзывы и на дополнительные выпуски – «Тысячелетия вокруг Каспия» и «Древняя Русь и великая степь», и вот книга «Древняя Русь и великая степь», которая пролежала лет 5 в издательстве, ее все не публиковали, Дмитрий Сергеевич написал замечательное предисловие, и это предисловие было опубликовано в книге, в первом издании книги было опубликовано это предисловие. Так что огромное спасибо Дмитрию Сергеевичу, и Лев Николаевич всегда испытывал к нему чувство благодарности. И еще сохранилось одно письмо, там, открытки какие-то, вот дарственная надпись на книгах, и надо сказать, что и Лев Николаевич, и Дмитрий Сергеевич оба любили наш город. Для них это был город, ну, Город с большой буквы. И вот Лев Николаевич никогда не называл город по имени, он ни Петербург, ни Петроград, ни Ленинград, ни Питер – это всегда был город. Он из лагеря пишет родителям, маме: «Мамочка, как хорошо, что ты переехала из Москвы в город. Здесь климат замечательный, широкие проспекты, Нева широкая, красивые проспекты, Нева широкая, библиотеки, музеи. Ну, что еще человеку надо?». И, благодаря Дмитрию Сергеевичу, он не был же ведь таким, так сказать, не был борцом, который выходит на площадь с флагом, трибуном таким, но вот в нужный момент он писал Льву Николаевичу хороший отзыв, и это способствовало тому, что Льва Николаевича так или иначе печатали. И еще мне хотелось бы напоследок, тут можно много говорить, приходите к нам вот в ближайшие дни, числа до 5 февраля, пока у нас ремонт не начался в Музее, и мы успеем вам показать выставку и рассказать, и все прочее. Мне бы хотелось напоследок, поскольку и для Льва Николаевича, и для Дмитрия Сергеевича наш город был замечательным совершенно

городом и единственным городом в их жизни, прочесть вступление Льва Николаевича к двум его сказкам в стихах, написанным в Норильске, если вы позволите:

«Когда мерещится чугунная ограда
И пробегающих трамваев огоньки,
И запах листьев из ночного сада,
И темный блеск встревоженной реки,
И теплое, осеннее ненастье
На мостовой, среди искристых камней!
Мне кажется, что нет иного счастья,
Чем помнить Город Юности моей.
Мне кажется... нет, я уверен в этом!
Что тщетны грани верст и грани лет,
Что улица, увенчанная светом,
Рождает мой давнишний силуэт.
Что тень моя видна на серых зданьях,
Мой след блестит на искристых камнях
Как Город жив в моих воспоминаньях
Так тень моя жива в его тенях!»